

На правах рукописи

Козловская Екатерина Станиславовна

**ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
В ЗАЩИТЕЛЬНЫХ ТЕКСТАХ
ЭПОХИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА II**

Специальность: 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2019

Работа выполнена на кафедре общего и русского языкознания филологического факультета ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Научный руководитель: доктор филологических наук 10.02.01, доцент **Валентинова Ольга Ивановна**, профессор кафедры общего и русского языкознания ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Официальные оппоненты: доктор филологических наук 10.02.01, доцент **Труфанова Ирина Владимировна**, профессор кафедры поликультурного образования ГАОУ ДПО города Москвы «Московский центр развития кадрового потенциала образования»

доктор филологических наук 10.02.01, доцент **Левина Вера Николаевна**, доцент кафедры русского языка №1 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

кандидат филологических наук 10.02.01, доцент **Бертякова Анна Николаевна**, доцент кафедры стажировки зарубежных специалистов ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

Защита состоится 15 ноября 2019 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета ПДС 0500.001 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корпус 2 «А», ауд. 728.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-информационном центре (Научной библиотеке) Российского университета дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Объявление о защите и автореферат диссертации размещены на сайтах: <http://vak2.ed.gov.ru> и <http://dissovet.rudn.ru>.

Автореферат разослан « 14 » октября 2019 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

С.Г. Коровина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено выявлению объяснительного потенциала метода лингвистического моделирования в изучении состояния общественного сознания в определенный культурно-исторический период. В работе изучаются лингвистические механизмы формирования модели действительности, регулярно воспроизводимой в прагматически успешных публичных выступлениях адвокатов в эпоху судебной реформы Александра II.

Объектом исследования стали рассматриваемые как система тексты защитительных выступлений эпохи судебной реформы Александра II.

Защитительные тексты являются текстами с гипертрофированной перцептивной функцией, создание которых направлено на предвосхищение реакции аудитории, поскольку адвокату необходимо убедить присяжных, что обвиняемый заслуживает оправдания. Для выполнения этой задачи защитник не излагает факты, но предлагает их интерпретацию. Вектор этой интерпретации определяет формирование в тексте защитительной речи особой модели действительности, которая и является **предметом** нашего исследования.

Универсальная цель адвоката – добиться оправдания подзащитного. Способы достижения этой цели тяготеют к одному из возможных полюсов: исходя из объективно существующей асимметрии между справедливостью и законностью, адвокаты разных исторических эпох обращаются преимущественно либо к идее справедливости, либо к требованиям закона. В эпоху судебной реформы Александра II основной смысловой оппозицией защитительных текстов являлась оппозиция *справедливо/несправедливо*, формирование которой было обусловлено особенностями функционирования российской судебной системы.

Апелляция к справедливости становится базовым принципом семантической и структурной организации защитительного текста, которому подчинен вектор формирования моделируемой в этом тексте действительности. Являясь по сути своей аксиологической, апелляция к справедливости предопределяет обращение адвоката преимущественно к этической характеристике преступника и жертвы. Факты же самого преступления, ссылки на статьи закона, рассмотрение вещественных доказательств виновности/невиновности обвиняемого в адвокатском выступлении, напротив, редуцируются.

Материалом исследования послужили более пятидесяти выступлений известных российских адвокатов С.А. Андреевского, П.А. Александрова, К.К. Арсеньева, В.И. Жуковского, М.Г. Казаринова, Ф.Н. Плевако,

А.И. Урсова, К.Ф. Хартулари, Н.И. Холева. Эти выступления считаются образцами юридического красноречия. Впервые опубликованные в таких ориентированных на широкую аудиторию журналах второй половины XIX – начала XX веков, как «Русская мысль», «Народная воля», «Московские ведомости» и др., впоследствии эти тексты многократно переиздавались. Отбор материала производился в соответствии со следующими критериями: каждое из выбранных для исследования выступлений было посвящено такому делу, в котором вина подсудимого была доказана, но по итогам судебного заседания обвиняемые либо были оправданы, либо их наказание было крайне мягким.

Рабочая **гипотеза** нашего исследования заключается в том, что аксиологическая модель действительности, формируемая в защитительных выступлениях эпохи судебной реформы Александра II, является основным инструментом, с помощью которого адвокат решает свою задачу. Эта модель воспроизводится во всех успешных дореволюционных защитительных текстах, а значит, в пределах изучаемого культурно-исторического контекста она является универсальной.

В эпоху судебной реформы Александра II в российской судебной системе действовал принцип *бессловности суда*¹, согласно которому присяжные выбирались из разных сословий, от дворян до крестьян. Следовательно, реконструкция аксиологической модели действительности, которая формируется в текстах защитительных выступлений, позволяет выявить ценностные установки, характерные не для отдельных сословий, а оценить состояние российского общественного сознания во второй половине XIX – начале XX века в целом.

Для реконструкции модели действительности в успешных защитительных выступлениях второй половины XIX – начала XX века мы экстраполировали на текстовый материал разработанное Г.П. Мельниковым понимание системы (2003): защитительный текст рассматривается нами как система, выполняющая заданную функцию в надсистеме – судебном разбирательстве.

Цель работы – реконструировать модель действительности, регулярно воспроизводимую в прагматически успешных защитительных текстах эпохи судебной реформы Александра II, что позволит объективно оценить состояние российского общественного сознания конца XIX – начала XX века.

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

- выявить особенности культурно-исторического контекста, которые влияли на выбор адвокатом типа аргументации, и, как следствие, определяли

---

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть третья. Библиотека репринтных изданий: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/121/3.html>.

характер моделирования действительности в защитительных текстах, созданных в эпоху судебной реформы Александра II;

- обнаружить базовые субмодели, образующие модель действительности, формируемую в защитительных текстах;
- установить лингвистические способы формирования каждой из субмоделей в защитительных текстах;
- выявить вектор трансформации элементов объективной действительности в действительности, моделируемой в защитительных текстах, и на этом основании охарактеризовать состояние дореволюционного российского общественного сознания.

Положения, которые выносятся на защиту:

1. Защитительный текст является текстом с гипертрофированной перцептивной функцией.

2. Объективно существующая асимметрия законности и справедливости в условиях конкретного культурно-исторического контекста реализуется в выстраивании линии защиты либо на апелляции к законности, либо на апелляции к справедливости. Характер избранной апелляции не только определяет семантическую структуру защитительного текста, но и становится его детерминантой, организующей текст как систему.

3. В защитительных текстах эпохи судебной реформы Александра II базовой апелляцией является апелляция к справедливости.

4. Апелляция к справедливости предопределяет формирование в защитительном тексте аксиологической модели действительности, в основании которой лежит смысловая оппозиция *справедливо/несправедливо*, опирающаяся на изменение знаков оценки моделируемого образа преступника и его жертвы. Выбор лексико-стилистических средств маркирует образ преступника отчетливо положительно, а его жертвы – резко отрицательно.

5. Моделирование действительности в защитительных текстах эпохи судебной реформы Александра II происходит в процессе синтеза собственно этической и пространственно-временной субмоделей.

6. Собственно этическая субмодель в защитительном тексте выстраивается в ходе семантической трансформации библейских образов и высказываний, свидетельствующей о том, что в российском обществе конца XIX – начала XX века христианская система ценностей существовала в большей степени декларативно.

7. Функция пространственно-временной субмодели заключается в отвлечении внимания присяжных от момента и места совершения преступления и его фокусировке на страданиях преступника. Семантика времени в моделируемой действительности характеризует либо длительно длящееся по

отношению к моменту преступления прошлое, либо длительно длящееся возможное будущее.

8. Аксиологическая модель действительности в защитительных текстах, формирование которой определяет решение присяжных, принадлежавших к разным сословиям, в пользу обвиняемого, представляет собой объективацию состояния российского общественного сознания во второй половине XIX – начале XX веков.

Актуальность исследования обусловлена как экстралингвистическими, так и собственно лингвистическими факторами. К экстралингвистическим факторам относятся перемены, происходящие в современном российском обществе. Одним из значимых индикаторов, отмечающих рост демократических тенденций в развитии государства, является введение в практику судопроизводства суда присяжных. С момента возобновления судебных заседаний с участием присяжных в последнем десятилетии XX века среди профессиональных лингвистов, филологов, юристов, историков, социологов, психологов и представителей других областей гуманитарной науки усилился интерес к первому опыту этой юридической практики, осуществленному более столетия назад.

К лингвистическим факторам относится познавательная потребность понять лингвистический механизм воздействия защитительных текстов на аудиторию. Тексты выступлений дореволюционных адвокатов, будучи текстами убеждающими, не раз становились объектом лингвистических исследований (Виноградов 1971, Кузнецова 2004, Пригарина 2010, Солдатова 2013 и др.) Однако вопрос о том, каким образом на мнение присяжных воздействует текст адвокатского выступления как целое, до сих пор не решен.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые:

– был разработан универсальный принцип анализа защитительных текстов, в основании которого находится выявление типа аргументации – либо к справедливости, либо к законности;

– реконструируется модель действительности, формируемая в текстах российских защитительных выступлений эпохи судебной реформы Александра II, определяется статус этой модели, исследуется лингвистический механизм ее формирования и на этом основании выявляются ценностные ориентиры дореволюционного российского общества.

Теоретической базой исследования стали работы:

– по методу моделирования: О.И. Валентиновой, М. Вартофского, А.Ф. Лосева, Г.П. Мельникова, Р.Г. Пиотровского, И.И. Ревизина, М.А. Рыбакова, Ю.С. Степанова, А.И. Умова, Н. Хомского, Т.В. Цивьян, В.А. Штоффа и др.;

– по системному подходу к исследованию текстов: Г.И. Богина, В.В. Виноградова, О.И. Валентиновой, И.Р. Гальперина, Ю.М. Лотмана, Я. Мукаржовского, Л.А. Новикова, М.Л. Новиковой, С.Ю. Преображенского и др.;

– по герменевтике: Г.И. Богина, Х.Г. Гадамера, В. Дильтея, П. Рикера, В.В. Розанова, М. Хайдеггера, Ф. Шлейермахера, Г.Г. Шпета, Е.Н. Шульги, Н.Н. Энгвера и др.

Методы исследования. При проведении исследования в качестве основного был выбран системный метод, основная цель применения которого в нашей работе заключается в выведении концентрированной формулировки своеобразия системной организации защитительного текста эпохи судебной реформы Александра II. Другим значимым методом исследования стал метод моделирования, позволивший реконструировать модель действительности, формируемую в дореволюционных защитительных текстах.

Теоретическая значимость работы заключается в раскрытии объяснительных возможностей метода моделирования при исследовании текстов с гипертрофированной перцептивной функцией. Сочетание метода моделирования с принципами системного подхода позволило определить функцию защитительного выступления как системы в надсистеме, что в результате стало ключом к пониманию таких обладающих гипертрофированной перцептивной функцией текстов, как тексты защитительных выступлений.

Практическая ценность работы заключается в том, что теоретические положения и практические результаты проведенного исследования могут быть использованы в учебных курсах по семиотике, общей и частной семантике, филологической герменевтике. Предложенные в работе методы исследования, способы их применения к изучаемому материалу и полученные практические результаты также могут стать частью практического курса по лингвистической экспертизе.

Апробация работы. Теоретические положения и практические результаты проведенного исследования обсуждались на заседаниях кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов, на заседаниях научного семинара «Филологическая герменевтика» кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов. Результаты исследования докладывались на международных научных конференциях «IV Новиковские чтения: «Функциональная семантика и семиотика знаковых систем» (г. Москва, 2014); «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» (г. Владимир, 2015); «II Фирсовские чтения «Современная филология и методика

преподавания иностранных языков: основные тенденции и перспективы развития» (г. Москва, 2016).

По теме диссертации опубликовано семь научных работ, четыре из которых – в рецензируемых научных изданиях ВАК РФ и одна – в рецензируемом издании Web of Science / Scopus.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трёх глав, Заключения и списка использованной литературы, который содержит 275 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, его научная новизна, выявляются его объект и предмет, определяется гипотеза исследования, его цель и задачи, дается характеристика эмпирического материала, объясняется выбор методов исследования, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, которые выносятся на защиту.

В первой главе **«Принципы реконструкции модели действительности в защитительных текстах эпохи судебной реформы Александра II»** рассматриваются культурно-исторические причины выбора тактики защиты, определяющей особенности системной организации защитительного текста эпохи судебной реформы Александра II.

Выбор апелляции к справедливости в качестве основной тактики защиты обусловлен спецификой российской судебной системы второй половины XIX – начала XX века. В 1864 году был принят закон о судопроизводстве «Судебные уставы», согласно которому в судебной практике впервые вводился принцип бессловности суда. Реализация этого принципа предполагала введение в практику судопроизводства судебных заседаний с участием присяжных, выбиравшихся из представителей разных общественных классов. Впервые решение о виновности/невиновности принималось не узким кругом профессиональных юристов, а непрофессионалами – людьми, случайным образом выбранными из списка кандидатов в присяжные заседатели, которые принадлежали к дворянскому, буржуазному и крестьянскому сословиям и соответствовали определенному имущественному и возрастному цензу.

Важнейшей чертой дореволюционного суда присяжных стала возможность полностью оправдать преступника, чья виновность точно установлена. Поэтому профессиональные юристы утаивали от присяжных информацию о видах наказания, определяемых законом за различные преступления. Вследствие

этого в значимой асимметрии между справедливостью и законностью дореволюционными адвокатами при построении линии защиты делался выбор в пользу справедливости, а не законности.

Категория справедливости/несправедливости меняется в зависимости от времени и пространства: ее понимание определяется исторической эпохой, государственным устройством, официальной религией. В защитительных выступлениях эпохи судебной реформы Александра II апелляция к справедливости сопалагалась с апелляцией к совести, поскольку «<...> при самом введении реформы (судебной – *Е.К.*) сложилось такое убеждение, что, если уж отныне будет суд совести, то и защита должна быть “по совести”»².

В Российской империи официальная мораль основывалась на православии. Декларативное обращение к христианской этике наблюдается в подавляющем большинстве защитительных выступлений: характеризуя подзащитного либо прямо обращаясь к присяжным, адвокаты ссылаются на Библию, но в защитительном выступлении библейские образы и высказывания претерпевают семантическую трансформацию. В процессе этой трансформации выстраивается этическая модель, которая действовала в обществе на самом деле. Реконструкция такой этической модели позволяет оценить меру отдаления от христианских ценностей при формальном сохранении обращения к ним.

Выбор апелляции к справедливости в качестве основной тактики защиты определяет и принадлежность защитительных текстов второй половины XIX – начала XX века к публицистическому функциональному стилю. Характер соотнесения стиля и жанра является исторически обусловленным. Защитительные тексты являются текстами исторически маркированными: в зависимости от типа апелляции, выбор которой диктуется особенностями судебной системы, им свойственна либо эмоциональность, либо стандартизация. Тексты защитительных выступлений эпохи судебной реформы Александра II являлись юрисдикционными документами, поскольку на их основании присяжные принимали решение о виновности или невиновности обвиняемого. Однако утвержденный законом о судопроизводстве регламент, определяющий структуру и форму написания этих текстов, отсутствовал. Эта особенность имеет особую значимость в рамках нашего исследования, поскольку судебные ораторы второй половины XIX – начала XX веков не были стеснены стилистическими требованиями официально-делового функционального стиля. У адвокатов была возможность отбирать лексические и синтаксические инструменты, которые могут произвести максимальное

² Андреевский С.А. Судебные речи. – М.: Издательство Юрайт, 2010. – С. 38.

воздействие на присяжных. Вследствие этого для текстов защитительных выступлений эпохи судебной реформы Александра II характерно обилие экспрессивно окрашенной лексики, а цитирование статей закона или оперирование любого рода терминами, напротив, встречается крайне редко.

Реконструкция модели действительности в текстах успешных дореволюционных адвокатских выступлений на суде присяжных производится с помощью экстраполяции на этот материал идеи Г.П. Мельникова о понимании системы, разработанной для системной лингвистики. Судебное заседание понимается нами как надсистема, а речи адвоката и прокурора – как две входящие в нее системы (субсистемы). В надсистеме речи адвоката и прокурора выполняют строго регламентированные функции – защитительную и обвинительную соответственно. Присяжные принимают решение непосредственно в процессе судебного заседания, поэтому в тексте своего выступления адвокату необходимо представить преступника человеком, который достоин оправдания. Для этого факты объективной действительности защитником тщательно отбирались, а затем семантически трансформировались, формируя особую модель действительности, в которой противопоставление образов преступника и его жертвы неизбежно меняет ожидаемую оценку: образ преступника оказывается положительным, а образ жертвы приобретает отрицательные черты. Антитеза положительного образа преступника и отрицательного образа жертвы становится базовой в моделируемой действительности защитительного текста.

Формирование базовой антитезы определяет отбор лексико-стилистических средств: для характеристики преступника выбирается лексика с отчетливой положительной оценкой либо с положительной коннотацией. Жертва, напротив, характеризуется лексикой с ярко выраженной отрицательной оценкой, часто просторечной. Обратимся к примерам.

Характеристика преступника: *«врожденные деликатность и стыд»*; *«чувство человеческого достоинства»*³; *«спокойная и чистая совесть»*; *«безупречное прошлое»*⁴; *«смирный, робкий труженик»*⁵; *«деликатный, не позволяющий себе резких выражений»*⁶.

Характеристика жертвы: *«ужасно пуста и мелочно тщеславна»*; *«ходит по рукам»*; *«помыкала в безденежье»*⁷; *«буянил, бил*

³ Хартулари К.Ф. «Дело Левенштейн» // Судебные речи известных русских юристов: сборник / вступительная статья Г.М. Резника. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – С. 609.

⁴ Хартулари К.Ф. «Дело Маргариты Жюжан» // Там же. – С. 592.

⁵ Казаринов М.Г. «Дело Сапогова» // Там же. – С. 566.

⁶ Арсеньев К.К. «Дело Мясниковых» // Там же. – С.400.

⁷ Андреевский С.А. «Дело Андреева» // Судебные речи. – М.: Издательство Юрайт, 2010. – С. 335 – 345.

стекла»; «имел развратный вид и выглядел арестантом»⁸; «проявление зловредной преступной воли»⁹; «с невоздержанным по части половых влечений характером»¹⁰.

В рамках системного подхода текст, выполняющий определенную функцию в надсистеме, сам становится надсистемой для каждой из его составляющих. Функция каждого элемента текста направлена на поддержку функции текста в надсистеме. Невнимание к функции защитительного текста в надсистеме не позволяет в полной мере установить функцию каждого элемента текста в моделируемой действительности, а значит, невозможным оказывается и выявление семантических связей, возникающих между элементами разных уровней текста.

Рассмотрим пример стилистического анализа речи адвоката, в котором функция текста в надсистеме не учитывается: *«Лебедев **отправился** на Никольский рынок, и там среди рабочего пролетариата **вербует** себе отряд рабочих по самым дешевым поденным платам. Весь этот отряд, под командой Андрея Лебедева <...> рассыпался по куполу здания, который изнутри, для безопасности, **был подперт** четырьмя деревянными стойками <...> Работа **закипела**. Застучали молотки, и вскоре <...> остов купола **тотчас же обнажился** с его металлическими стропилами <...> Наступала самая трудная и опасная часть работы...»¹¹* (фрагмент выступления К.Ф. Хартулари по «Делу Лебедева»). Характеризуя выбор глаголов и глагольных форм (*отправился, вербует, был подперт, обнажился*), определяя функцию обстоятельственных слов со значением времени (*тотчас же*), автор анализа приходит к следующим выводам: «<...> стиль изложения иногда приобретает черты репортажности»; «<...> благодаря использованию глаголов и глагольных форм, их одновременных планов <...> действие предстает не только зримым, но и слышимым <...> Стремительность повествованию придают обстоятельственные слова со значением времени (*вскоре, тотчас же*), союзы».¹² Применение системного подхода позволит дополнить полученные выводы и объяснить принцип отбора глаголов и глагольных форм в защитительной речи, для чего необходимо расширить границы смыслоформирующего контекста – обратиться к обстоятельствам самого

⁸ Урусов А.И. «Дело Волоховой» // Судебные речи известных русских юристов: сборник / вступительная статья Г.М. Резника. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – С. 15 – 18.

⁹ Жуковский В.И. «Дело Юханцева» // Там же. – С. 488.

¹⁰ Холев Н.И. «Дело Максименко» // Там же. – С. 665.

¹¹ Хартулари К.Ф. «Дело Лебедева» // Судебные речи известных русских юристов: сборник / вступительная статья Г.М. Резника. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – С. 597 – 598.

¹² Дускаева Л.Р. «Судебное красноречие» // Стилистический энциклопедический словарь. – М., 2006. – С. 524.

преступления. В этом деле вина обвиняемого, Лебедева, заключалась в незнании техники безопасности при разборе купола здания. Заказчик отказался от услуг профессиональных строителей и нанял фактически случайного человека, что повлекло за собой разрушение самого здания и гибель строителей.

В процессе анализа, проведенного без учета функции защитительного текста в надсистеме, было упущено основное смысловое противоположение, выраженное в защитительном тексте: главная причина стремительных и необдуманных действий обвиняемого, которые привели к трагедии, – требование правления. Гибель людей, которая произошла вследствие спешки и неподготовленности обвиняемого к опасной работе, является ничем иным как результатом выполнения этого требования.

Таблица 1.

Определение границ смыслоформирующего контекста для установления функции глаголов и глагольных форм в выступлении адвоката по «Делу Лебедева»

Причина	→	Следствие
<p>– <i>Правление</i> <...> <i>потребовало</i> <...> <i>немедленного приступа к работам.</i></p>		<p>– <i>Лебедев отправился</i> <...> <i>на рынок;</i></p> <p>– <i>вербует себе отряд рабочих по самым дешевым поденным платам;</i></p> <p>– <i>купол здания был подперт;</i></p> <p>– <i>работа закипела.</i>¹³</p>

Без установления объема и границ смыслоформирующего контекста выявить смысловое противопоставление «приказ заказчика ↔ работа исполнителя» невозможно, а значит, невозможно понять, что все выраженные глаголами действия, которые действительно являются и «зримыми», и «слышимыми» – это результат стремительного выполнения обвиняемым требований заказчика. Чтобы сформировать у присяжных такое впечатление,

¹³ Хартулари К.Ф. «Дело Лебедева» // Судебные речи известных русских юристов: сборник / вступительная статья Г.М. Резника. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – С. 597 – 598.

адвокат использует глагольные формы совершенного вида, подчеркивающие не только завершенность событий, но и ускоренную, почти мгновенную их смену.

Аксиологический характер апелляции к справедливости, провоцировавший высокую степень эмоционального воздействия защитительного выступления на присяжных, обуславливает необходимость формирования в защитительных текстах второй половины XIX – начала XX века аксиологической модели действительности, создание которой реализуется путем синтеза двух субмоделей: собственно аксиологической и пространственно-временной.

Вторая глава **«Пространственно-временная субмодель действительности защитительных текстов эпохи судебной реформы Александра II и особенности ее формирования»** посвящена изучению особенностей формирования пространственно-временной субмодели действительности в дореволюционных защитительных текстах.

Функция пространственно-временной субмодели заключается в перенаправлении внимания присяжных: адвокат отвлекает их внимание от момента преступления и старается сфокусировать на таких обстоятельствах в жизни обвиняемого, которые вызвали бы к нему сочувствие. В соответствии с этой логикой действие в защитительном тексте смещается либо в прошлое, к таким событиям в жизни обвиняемого, когда он испытывал страдания, либо в предполагаемое будущее: обвиняемый будет страдать, если присяжные вынесут обвинительный приговор. Фиксация внимания присяжных на страданиях преступника в защитительных выступлениях реализуется с помощью регулярного использования глагольных форм несовершенного вида, имеющих семантику незавершенности, длительности: *«Что будет с Аркадием Суриным, если вы его осудите? Он <...> должен будет переживать целый ряд унижительных и жестоких испытаний»¹⁴*; *«<...> перехватив письмо измены, носитя с ним повсюду и всем рассказывает о своем горе; когда же, наконец, женщина, с которой он живет, покидает его, он простаивает целые дни под ее окнами, чтобы хоть мельком взглянуть на нее»¹⁵*; *«если вы примете в соображение прежнюю жизнь подсудимой и то влияние, которому она подвергалась в течение всего своего заключения, то <...> вы не отнесетесь к ней так неумолимо»¹⁶*.

Достижению этой же цели подчинены и такие особенности организации синтаксической структуры высказываний, как отягощение предложений краткими формами страдательных причастий, поскольку «действие,

¹⁴ Урусов А.И. «Дело Луи и Сурина» // Судебные речи известных русских юристов: сборник / вступительная статья Г.М. Резника. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – С. 93.

¹⁵ Казаринов М.Г. «Загадочное дело» // Там же. – С. 548.

¹⁶ Арсеньев К.К. «Дело Рыбаковской» // Там же. – С.461.

выраженное причастием страдательного залога прошедшего времени, представляется совершенным до момента речи, но сохраняющимся в своих результатах в момент речи, то есть в настоящем времени»¹⁷. Например: *«А этот несчастный человек уже восемь месяцев лишен свободы, два с лишком месяца безвыходно томится в остроге, почти разорен, оторван от семьи, придавлен ужасом наказания»*¹⁸.

Моделирование времени в защитительном тексте неотделимо от моделирования пространства: страдания обвиняемого актуализируются либо в крайне ограниченном пространстве, либо, напротив, в пространстве безграничном. Трансформации пространства в моделируемой действительности защитительного текста закрепляются с помощью замедления динамики повествования: действие не развивается, а замирает, фиксируя внимание слушателей на описании эмоционального состояния человека. Семантика пространственных координат дополняется и закрепляется показателями времени: *«уединенная <...> в своей квартире <...> она проводила много длинных и скучных часов»*¹⁹; *«здесь, в бесконечные часы тюремного одиночества <...> среди томящей, смертельной тоски острожной жизни»*²⁰; *«какие розовые мечты волновали ее в стенах Литовского замка и казематах Петропавловской крепости»*; *«полное отчуждение от всего, что за тюремной стеной»*²¹; *«приходилось ездить пахать за 9 верст, проезжать туда по трудной гористой дороге, оставлять там баб и ребятишек, грудных младенцев без пристанища, в сырую осень, на земле, размокшей от холодных дождей»*²²; *«по прибытии в квартиру покойного Жюжан уже не покидает ее и проводит все дни в кругу несчастного семейства, разделяя его горе <...> а остальное время просиживает в той комнате, в которой умер Николай Познанский»*²³.

Неотъемлемой частью моделирования времени становится интерпретация показателей возраста, поскольку к преступнику можно вызвать больше сочувствия, если он кажется юным, так же, как и жертва кажется менее беззащитной, если представить ее зрелой, сильной. Вследствие этого в моделируемой действительности защитительного текста показатели возраста

¹⁷ Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка: учеб. пособие для гос. ун-тов. – М.: Изд-во МГУ, 1956. – С. 206.

¹⁸ Урусов А.И. «Дело Морозкина» // Судебные речи известных русских юристов: сборник / вступительная статья Г.М. Резника. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – С. 28.

¹⁹ Хартулари К.Ф. «Дело Левенштейн» // Судебные речи известных русских юристов: сборник / вступительная статья Г.М. Резника. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – С. 615.

²⁰ Александров П.А. «Дело Дмитриевой и Каструбо-Карицкого» // Там же. – С.115.

²¹ Александров П.А. «Дело Засулич» // Там же. – С. 244.

²² Жуковский В.И. «Дело крестьян и барона Медема» // Там же. – С. 33.

²³ Хартулари К.Ф. «Дело Маргариты Жюжан» // Там же. – С. 596.

перестают быть фактами: подчиняясь указанной логике, они семантизируются за счет смыслообразовательных возможностей контекста.

Обратимся к примерам. Защищая семнадцатилетнего убийцу, адвокат сдвигает время на 4 года ранее момента совершения преступления и вместо семнадцатилетнего юноши говорит о тринадцатилетнем мальчике. В моделируемой действительности защитительного текста характеристика *мальчик* сохраняется до конца выступления: «*Это и был 13-летний Павел Зайцев <...> мальчик тихий, добрый, не вороватый, послушный <...> семнадцати лет, вместе с весной, настали первые искушения... аккуратный мальчик загуливает*»²⁴.

В выступлении, посвященном защите человека, обвинявшегося в изнасиловании и убийстве тринадцатилетней девочки, Сары Беккер, показатели возраста жертвы семантизируются, и *тринадцать лет* представляются адвокатом возрастом зрелости, зрелости. В моделируемой действительности защитительного текста *девочка тринадцати лет* становится 'девушкой с наступившей половой зрелостью': «*Укажем на факты <...> в этом факте влечения к субъектам очень молодым, незрелым сказывается особенность не одного только Мироновича, в ней нет ничего невероятного. Не забывайте, что Сара Беккер была подросток, в ней <...> уже складывалась девушка, да половая зрелость у евреек, как известно, наступает раньше, чем у других*»²⁵.

В защитительном тексте по делу двадцатидевятилетней Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, адвокат обращается к событиям, произошедшим с обвиняемой за 10 лет до покушения, и актуализирует возрастной показатель *двадцатилетняя*: «*Возможно ли, чтобы после того как дело было прекращено судебной властью, не нашедшей никакого основания в чем бы то ни было обвинять Засулич, она, едва двадцатилетняя девица, живущая у матери, могла быть выслана, и выслана только что освобожденная, после двухлетнего тюремного заключения?*»²⁶.

Время и пространство образуют диалектическое единство: пространственно-временные характеристики выступают как взаимосвязанные формы бытия, поэтому моделируемая действительность в защитительном тексте также формируется одновременно в пространстве и времени.

Способ формирования модели пространственно-временных координат в адвокатском выступлении изоморфен хронотопу²⁷, действующему в тексте

²⁴ Андреевский С.А. Судебные речи. – М.: Издательство Юрайт, 2010. – С.248.

²⁵ Урусов А.И. «Дело Мироновича» // Судебные речи известных русских юристов: сборник / вступительная статья Г.М. Резника. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – С.162.

²⁶ Александров П.А. «Дело Засулич» // Там же. – С. 245.

²⁷ Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 238.

художественном. Однако сходство способов моделирования пространства и времени в художественном и защитительном тексте не означает тождества самих моделей, поскольку в художественном тексте функция хронотопа подчинена авторскому замыслу, а в защитительном тексте трансформация пространственно-временных координат подчинена исходно заданному вектору, который заключается в поддержке функции защитительного текста в надсистеме.

Время в адвокатском выступлении оказывается одновременно и вектором, и способом трансформации всех событий в направлении, необходимом для защиты. Это категориально необходимое, сущностное свойство защитительного текста и той модели действительности, которая в нем создается. Манипуляции, производимые с категорией времени, закрепляются с помощью манипуляций, которым подвергаются пространственные координаты. Сформировать в моделируемой действительности защитительного текста антитезу положительного образа преступника и отрицательного образа жертвы без манипуляций с пространственно-временными координатами невозможно.

В третьей главе **«Аксиологическая субмодель действительности в защитительных текстах эпохи судебной реформы Александра II»** реконструируется собственно аксиологическая субмодель действительности, и изучаются способы ее формирования.

Выбор апелляции к справедливости в качестве основания для построения линии защиты предопределяет аксиологический характер моделирования действительности в защитительных текстах: поступки преступника получали этическое оправдание, в то время как поступки жертвы должны были быть представлены недопустимыми с точки зрения морали. По этой причине в защитительных выступлениях формируются контекстуальные, зачастую противоречащие декларативно принятой христианской этике значения различных этических категорий:

- мужчина ‘целомудренный, чистый, склонный к единолюбию’ – мужчина, ‘знавший в течение тридцати лет всего двух женщин’: «<...> *Андреев, знавший в течение тридцати лет всего двух женщин может быть назван мужчиной целомудренным, чистым, склонным к единолюбию*»²⁸;

- сожительство – ‘не разврат’: «*Сожительство с Мезиной начинается с глубокого душевного движения <...> Где же, спрошу я, тут разврат?*»²⁹;

²⁸ Андреевский С.А. Судебные речи. – М.: Издательство Юрайт, 2010. – С.336.

²⁹ Казаринов М.Г. «Загадочное дело» // Судебные речи известных русских юристов: сборник / вступительная статья Г.М. Резника. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – С.547.

- верный муж – ‘мужчина, который вступил в брак после всяческого дебоширства’: *«Бывают и мужья, остающиеся верными своим женам, вступая с ними в брак после всяческого дебоширства»*³⁰.

Согласие присяжных с контекстуально формируемыми значениями материализуется в выносимом ими оправдательном вердикте. Этот факт доказывает, что в моделируемой действительности защитительного текста адвокат воспроизводит этические установки, принятые в обществе всеми социальными классами. Установление контекстуальных значений этических категорий достоверно отражает состояние российского общественного сознания второй половины XIX – начала XX веков: в дореволюционном российском обществе христианская мораль, оставаясь декларативно принимаемой, уже не действовала.

Этот вывод подтверждается непреложным обращением адвокатов к библейским текстам как к этическому эталону и столь же непреложным искажением исходных значений фрагментов библейского текста в тексте защитительном.

Фрагменты библейского текста распознаются присяжными с легкостью, поскольку «Закон Божий» являлся неотъемлемой частью школьного образования, бессословность которого была установлена в 1804 году в «Уставе учебных заведений, подведомых университетам»³¹. Восприятие библейского текста у аудитории было поверхностным, обывательским, однако существенные смысловые трансформации библейских высказываний в текстах адвокатских выступлений становились возможными только в ситуации произошедшей секуляризации общественного сознания.

Чтобы выявить вектор и масштаб искажений смыслов фрагмента библейского текста, необходимо установить контекстуальное значение библейского фрагмента в защитительном тексте и соотнести его со значением, установленным экзегезой:

- в защитительном выступлении результатом семантической трансформации библейского выражения *«прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много»* (Лук. 7: 47) становится подмена утверждаемого в экзегезе³² значения любви к Богу любовью к мужчине: *«Но я глубоко убежден, что между вами не найдется ни одного человека, который после всего слышанного и виденного здесь на суде решился бы бросить камнем в подсудимую: “Она много любила и многое простится ей”»*³³;

³⁰ Андреевский С.А. Судебные речи. – М.: Издательство Юрайт, 2010. – С.236.

³¹ Устав учебных заведений, подведомых университетам: <http://museumreforms.ru/node/13661>.

³² Толковая Библия. / Под ред. А.П. Лопухина. – М.: «Дарь», 2009. – С. 571.

³³ Хартулари К.Ф. «Дело Левенштейн» // Судебные речи известных русских юристов: сборник / вступительная статья Г.М. Резника. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – С.619.

- аллюзия на библейскую притчу о воскрешении Лазаря и высказывание из этой притчи *«Гряди вон!»* (Ин. 11: 43) семантически трансформируются в защитительном тексте, в результате чего божественная власть над жизнью и смертью, утверждаемая в экзегезе³⁴, приравнивается к власти присяжных, которые должны оправдать обвиняемую: *«<...> не бойтесь этому кажущемуся мертвецу сказать то же, что вопреки холодного расчета и юдольной правды книжников и фарисеев, сказано было Великой и Любовеобильной Правдой четверодневному Лазарю: «Гряди вон!» Пусть воскреснет она <...> и оживет»*³⁵;

- семантическая трансформация библейского образа мытаря (Лк. 18: 9-14), который в экзегезе³⁶ характеризует человека раскаивающегося, позволяет адвокату представить продемонстрированное обвиняемым сожаление о совершенном преступлении веской причиной для вынесения оправдательного вердикта: *«Он – не из тех фарисеев, которые на глазах света корчат добродетельные рожи, а за спиной совершают преступления. Он – тот мытарь, который с отвращением вступил на ужасную дорогу и пал под ударами жестокой судьбы»*³⁷.

Функция обращения адвоката к библейским образам и фрагментам библейского текста заключается в напоминании присяжным о христианском прощении, которое в моделируемой действительности защитительного текста интерпретируется как необходимость оправдать обвиняемого.

Результатом проведенного исследования стало подтверждение рабочей гипотезы: формирование аксиологической модели действительности в защитительных текстах эпохи судебной реформы Александра II является основным инструментом, с помощью которого адвокат мог добиться оправдания преступника. Использование метода моделирования позволило реконструировать эту модель. Применение принципов системного подхода дало возможность вывести концентрированную формулировку своеобразия системной организации русских защитительных текстов второй половины XIX – начала XX веков, сущность которой заключается в следующем.

Обусловленный судебной системой выбор апелляции к справедливости в качестве основы для построения линии защиты провоцирует формирование в адвокатских выступлениях аксиологической модели действительности, в основании которой находится антитеза положительного образа преступника и отрицательного образа жертвы. Для формирования этой антитезы поступки

³⁴ Толковая Библия. / Под ред. А.П. Лопухина. – М.: «Дарь», 2009. – С. 404.

³⁵ Плевако Ф.Н. Избранные речи. – М.: «Юрайт», 2013. – С. 395.

³⁶ Толковая Библия. / Под ред. А.П. Лопухина. – М.: «Дарь», 2009. – С.208.

³⁷ Плевако Ф.Н. Избранные речи. – М.: «Юрайт», 2013. – С. 250.

обвиняемого получают этическое оправдание, поведение жертвы, напротив, – негативную этическую оценку, что предопределяет отбор лексико-стилистических средств: преступник характеризуется лексикой с положительной оценкой либо с выраженной положительной коннотацией, жертва же – лексикой с отчетливой отрицательной оценкой и просторечиями.

Апелляцией к справедливости обусловлена принадлежность защитительных текстов эпохи судебной реформы Александра II к публицистическому функциональному стилю.

Формирование аксиологической модели действительности реализуется посредством синтеза двух субмоделей – собственно этической и пространственно-временной.

Функция пространственно-временной субмодели заключается в фиксации внимания присяжных на страданиях преступника. Формирование данной субмодели предопределяет преобладание в защитительном выступлении определенных морфологических форм и синтаксических конструкций: глаголов и глагольных форм несовершенного вида, имеющих семантику незавершенности, длительности; регулярное отягощение предложений краткими формами страдательных причастий.

Для формирования собственно этической модели в защитительном тексте общепринятые этические категории и фрагменты библейского текста получают контекстуальные значения. Система ценностей, на которую опирается адвокат, полностью совпадает с этическими установками присяжных, являвшихся представителями разных сословий, а значит, действует во всех общественных классах. Эта система значительно отличается от декларативно принятой в эпоху судебной реформы Александра II христианской этики.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования и излагаются его основные результаты.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

По теме диссертационного исследования автором опубликованы следующие работы:

а) в индексируемых международных базах данных *Web of Science / Scopus*:

1. *Козловская Е.С., Кобылко Я., Медведев Е.Ю.* Смыслоформирующая функция контекста в публицистических текстах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – М.: РУДН, 2019. – Т. 23. №. 1. – С. 165 – 184.

б) в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

2. *Козловская Е.С.* Базовые принципы искажения действительности в речи адвоката (на материале защитительных текстов эпохи судебной реформы Александра II) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – № 1. – М.: РУДН, 2015. – С. 28 – 32.

3. *Козловская Е.С.* Система ценностей российского общества эпохи Александра II: декларативное и действительное // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Вопросы образования. Языки и специальность». – №3. – М.: РУДН, 2014. – С. 55 – 62.

4. *Козловская Е.С.* Вовлечение категории времени в интерпретационную модель образа преступника // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – № 4. – М.: РУДН, 2013. – С. 108 – 113.

5. *Козловская Е.С.* Особенности интерпретации возраста в защитительных текстах второй половины XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Вопросы образования. Языки и специальность». – № 4. – М.: РУДН, 2012. – С. 59 – 62.

в) статьи, опубликованные в иных изданиях:

6. *Козловская Е.С.* Значимость метода герменевтического круга для объективной интерпретации текста // Материалы Международной научно-практической конференции «II Фирсовские чтения «Современная филология и методика преподавания иностранных языков: основные тенденции и перспективы развития». – М.: РУДН, 2016. – С. 118 – 120.

7. *Козловская Е.С.* Композиционные особенности защитительных текстов эпохи судебной реформы Александра II // Материалы XI Международной научной конференции «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект». – Владимир: Транзит-ИКС, 2015. – С. 212 – 216.

Козловская Екатерина Станиславовна
(Россия)

**ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
В ЗАЩИТЕЛЬНЫХ ТЕКСТАХ
ЭПОХИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА II**

Диссертационное исследование посвящено выявлению объяснительного потенциала метода лингвистического моделирования в изучении состояния общественного сознания в определенный культурно-исторический период. При проведении исследования в качестве основного был выбран системный метод, основная цель применения которого к материалу исследования заключается в выведении концентрированной формулировки своеобразия системной организации защитительного текста эпохи судебной реформы Александра II. В диссертации был разработан универсальный принцип анализа защитительных текстов, в основании которого находится выявление типа аргументации – либо к справедливости, либо к законности. В эпоху судебной реформы Александра II адвокатами в качестве основания для защиты выбиралась апелляция к справедливости. Этим обусловлена необходимость формирования аксиологической модели действительности в текстах русских защитительных выступлений на суде присяжных во второй половине XIX – начале XX веков.

Теоретические положения и практические результаты проведенного исследования могут быть использованы в учебных курсах по семиотике, общей и частной семантике, филологической герменевтике. Предложенные в работе методы исследования, способы их применения к изучаемому материалу и полученные практические результаты также могут стать частью практического курса по лингвистической экспертизе.

Kozlovskaya Ekaterina
(*Russia*)
FEATURES OF REALITY MODELING
IN THE PROTECTIVE TEXTS
OF THE EPOCH OF JUDICIAL REFORM OF ALEXANDER II

The dissertation research is devoted to identifying the explanatory potential of the method of linguistic modeling in the study of the state of public consciousness in a certain cultural and historical period. The system method was chosen as the main one for the research. The main purpose of this method consists in deriving a concentrated formulation of originality of the systemic organization of protective texts of the era of the judicial reform of Alexander II. The thesis developed a universal principle for the analysis of defensive texts based on the identification of the type of argument: to justice or to legality. In the era of judicial reform of Alexander II lawyers chose the appeal to justice as the basis for the defense. This demands the formation of an axiological model of reality in the texts of Russian defensive speeches at the jury in the second half of the XIX - early XX centuries.

Theoretical provisions and practical results of the research can be used in training courses in semiotics, general and private semantics, philological hermeneutics. The research methods proposed in the work, ways of their application to the studied material and the obtained practical results could also become part of the practical course of linguistic expertise.